

УДК 130.2

НАРРАТИВ ДОМА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ ОСЕДЛОСТИ И НОМАДНОСТИ

А. В. Шляков

NARRATIVE OF THE HOME IN THE CULTURE OF SEDENTISM AND NOMADISM

A. V. Shlyakov

Целью исследования является обнаружение номадных свойств в нарративе, который семантически отражает статичность, неизменность. В качестве такого понятия берется нарратив «Дом». В статье раскрывается содержание понятия «Дом» в оседлой культуре. Описываются и анализируются процессы трансформации нарратива «Дом» при переходе от культуры модерна к ситуации постмодерна, сопровождающиеся утратой традиционных функций Дома. Изучаются представления о «Доме» в экзистенциальной и психоаналитической философии. Принимаются во внимание представления о «Доме» в мифологии и фольклоре отечественной культуры. Рассматривается приобретение новых свойств «Дома» в постмодерне, связанных с подвижностью и неустойчивостью, сингулярностью. «Дом» постмодерна, это уже пункт маршрута, который вопреки оседлой парадигме, не место покоя и отдохновения, а момент становления, переход от конечного к бесконечному. Основное внимание в работе автор уделяет обнаружению номадности в онтологической сущности Дома. Результаты исследования могут быть использованы при изучении онтологических, антропологических составляющих ситуации постмодерна.

The aim of the study is the discovery of nomad properties in the narrative that semantically reflects stativity and permanence. The narrative «Home» is taken as such a concept. The paper reveals the content of the notion «Home» in sedentary culture. The author describes and analyses the processes of transformation of the narrative «Home» during the transition from modernity culture to the situation of postmodernity, accompanied by the loss of traditional functions of the Home. We study the notions of «Home» in existential and psychoanalytic philosophy. The concept of «Home» in the mythology and folklore of the national culture is taken into account. The author discusses the acquisition of new properties by the «Home» in postmodern, related to mobility and instability, singularity. Postmodern «Home» is a point of a route, which is contrary to the sedentary paradigm, not a place of peace and relaxation, but rather the moment of formation, the transition from the finite to the infinite. The main attention in the paper is given to the detecting nomadism in the ontological essence of the Home. The research results can be used in the study of the ontological, anthropological components of postmodern situation.

Ключевые слова: номадизм, Дом, Дорога, оседлость, подвижность.

Keywords: nomadism, Home, Way, sedentism, dynamics.

В условиях дестабилизации картины мира в результате потрясений XX века перед философами встает задача – обнаружить концепт, который позволил бы если и не реанимировать взгляды классической метафизики то, хотя бы помог воссоздать некую стабильность.

Из всего многообразия концептов, на наш взгляд такой формообразующей идеей, которая сама формирует смысловую контекстуальную среду, является Дом. К тому же Дом, выступая архетипом оседлости, позволяет приблизиться к пониманию социальной стратегии современного мира – номадизма с его архетипом «Дорога». Первочеловек начинается с ухода от естественного местообитания – природы, и созданием особого пристанища, которое гарантирует относительно безопасное существование. Таким местом становится Дом (oikos). Через существование дома, субъект очеловечивает пространство своей жизни и фиксирует свое бытие в мире.

Функциональное значение дома изначально заключалось в обеспечении человека необходимой продолжительностью (временем) существования, тогда как Дорога обеспечивала его протяженностью (пространством). Несмотря на то, что Дом (как и дорога) реализуют себя в собственном пространстве-времени, как укорененная форма бытия Дом предназначен для

временпровождения, а Дорога для пространственного препровождения социально-значимых позиций. Идея Дома – есть идея значимая в системе координат оседлого человечества. Жилище, собственность, брак, наследство – все эти конкретные нормативы произрастают из специфики сухопутного существования, из земледелия.

В трудах современных ученых Дом определяется как место события человека: человека и мира, человеческого времени-памяти и человеческого пространства – обитаемого космоса [10, с. 206]. Дом, являясь особым выражением человеческого бытия, наряду с процессами овеществления, реализующих функцию домашнего очага, также реализуется и посредством идеализации, воплощающих функцию домашнего алтаря. Очаг – символически замещает природу, алтарь – место диалога с Абсолютом.

Дом в европейской культуре рассматривается как место локализации гуманистической модальности бытия. Но это место лишь остановка на пути экзистенциального путешествия в поисках себя. Дом это место, где пространство становится обитаемым, это обретенная форма покоя для обретения границ своего образа жизни [9]. Будучи заброшенным в мир человек обречен на странствование, лишаясь возможности реализовать богоподобное тождество со своим быти-

ем. Дорога зовет к свершению новых странствий, зовет в путь, которые открывает новые горизонты мира. Дом придает человеку центрирующую силу. Свою покинутость, заброшенность человек компенсирует благодаря Дому, который делает бытие человека хоть в чем-то осуществленным, локальным, личным. В Дороге же человек может и утратить свою идентификацию будучи вынужденным постоянно вносить в новые пространства свои смыслы.

С. В. Климова рассматривает Дом, как границу частного и публичного бытия, противопоставляя одомашненное пространство, замкнутое на самом себе, безбрежному миру [3]. Противопоставление частного и публичного, при исследовании Дома, встречается в работах Х. Арендт. Дом, воспринимается ею как частное, повседневное бытие, встречающееся, как пространство женской назначенности, которое препятствует возможной самореализации женщины [1, с. 77]. Дом, в данном контексте, представляет собой квинтэссенцию женского опыта и одновременно источник подавления женщины, место, куда она была вытеснена модернизационным проектом. Еще «Домострой» Ксенофонта указывает на обычай приличной женщины сидеть дома [5, с. 22]. Действительно, можно согласиться, что в сущность Дома вложено больше женского, чем мужского, больше оседлого, чем кочевнического. Но бытие Дома амбивалентно: установленное и сохраненное в оседлости, оно питается духом кочевнической неприкаянности, чтобы приумножить богатство Дома, надо выйти за его пределы и внести богатство в Дом.

В фольклоре и мифологии Руси образ Дома интернационален и атемпорален [8, с. 60]. Дом является смысловым и пространственным энергетическим центром, вокруг которого формируются образы. Образ дома всегда пластичен, это место где начинается и заканчивается жизнь, поэтому он медирует между «этим» и «тем» миром. Дом вмещает в себя память рода и его забвение. Однако образ дома может быть и динамичен, особенно в эпоху кочевничества: он может стать перевалочным пунктом на пути героя. И сам Дом может обретать подвижность, выступая модификационным средством переноса обитателей в другую реальность, быть люлькой или гробом и при этом оставаясь воплощением порядка.

Со времен славянофилов и западников в философии наличествует противопоставление двух образов Дома, воплотившееся в конфликте двух миров: «мир коттеджа» и «мир ковчега», мир собственной одинокой обустроенности для гармоничного развития и мир единодушия и простоты, призванный укрывать от враждебных стихий. Позднее славянофилы стали отождествлять Дом не с ковчегом, а с гнездом, ибо ковчег – корабль, который, несмотря на спасительную прочность, движется, обеспечивая лишь временную стабильность.

В современном психоанализе Дом – это проекция личностных свойств, черт, эманация человеческой природы [7, с. 134]. Из-за тесной связи людей и вещей, в результате которой обнаруживается «присут-

ствие», возникшие символические контуры жилища запечатлеваются человеком как образ Дома.

Учитывая возможные исторические, религиозные, социальные, культурные изменения выделяют следующие универсальные функции Дома: защитную, нормативно-этическую, социально-консолидирующую, смыслообразующую, идентификационную, исцеляющую, сберегающую и эстетически умиротворяющую [4]. Дом может предстать перед человеком как особое коммуникативное бытие, выступать не только как объект, но и как субъект коммуникаций. Различные механизмы фетишизации способны наделять Дом навыками спрашивать и отвечать, заявлять о себе и умалчивать о происшедшем. При отсутствии хозяина в Доме могут начать «говорить» стены, мебель, утварь, способная оставаться домашним артефактом [6, с. 10].

При переходе от индустриального общества к ситуации постмодерна, в кочевническую культуру нарратив Дома меняется, и сам Дом утрачивает свои традиционные функции, передавая все, что он выполнял бесплатно в услуги внешнего рынка. Дом постмодерна, это всего лишь пункт маршрута, но вопреки оседлой парадигме, это уже не место покоя и отдохновения, а момент становления, «это как бы переход от конечного к бесконечному» [2, с. 209]. Формирование дома начинается с плоти, которая означает «становление зверем» я выступает как зона неразличимости животного и человеческого. «Чтобы расцвести телу нужен дом» [2, с. 208]. И Дом сообщает плоти «костность», «скелетность» наделяет разноориентированными кусками планов, указывает вектор целостного становления. Этот вектор – Путь через территорию к детерриториализации, к Космосу.

Каждый Дом включает в себя территорию других видов, запечатлевая маршруты объектов не имеющих собственной территории. Так, паутине имманентно присутствие мухи, дубовым листьям – дождевые капли, любому млекопитающему – паразиты [2, с. 215]. Дом кочевнической культуры становится контрапунктом для «ближнего» и «дальнего». Это зал ожидания вокзала, порта, кочевническая точка, нуждающаяся в преодолении.

Дом не просто отграничивает и соединяет. Грани Дома: стены, окна, двери, с одной стороны, допускают автономное существование субъекта, но с другой, предлагают выйти во вне или позволяют космическим силам ворваться и изгнать обитателя, увлекая в путешествие.

Петербургский философ А. К. Секацкий исследуя динамику функционала Дома при переходе от традиционного общества к постиндустриальному обществу, обнаруживает признаки кочевничества в онтологии самой оседлости [11, с. 34]. Рассматривая структурированное пространство, как атрибут оседлости в противоположность времени – атрибуту кочевничества он связывает его с концептами рационального дискурса: ДОМ – ОСТРОВ – ОКЕАН.

ДОМ – это структура бытия, предполагающая полностью освоенное пространство. Это инобытие тела и опредмеченное бытие человека. Дом несет в себе уют и комфорт. Тело Дома не расходится на

процесс жизнедеятельности. Фундаментальным критерием измерения Дома является чистота, как сакральный элемент жилища. Дом-храм. ОСТРОВ – это мастерская, являющаяся источником ресурсов для жизнедеятельности (которые представляются бесконечными). Одновременно это и место, в которое свозят отходы, нечистоты. В национальном плане некоторые народы воспринимают Родину как Дом, некоторые как Остров.

ОКЕАН – это пространство, которое мы созерцаем и можем лишь помыслить. Это пространство мы не можем освоить, оно недостижимо для человеческого воздействия.

В традиционном, аграрном обществе Дом – выступал как жилище, город, малая Родина. Остров был вариантом номадности при оседлой жизни и включал поля, луга, угодья, пастбища. Океан – синкретически слитое пространство Земного шара, Солнечной системы и всего Космоса.

В индустриальном обществе Дом – это уже национальное государство. Остров – открытый для колонизации Земной шар. Океан – Солнечная система, космос по отношению к которому мы на периферии.

Постиндустриальное общество декларирует статус Дома в тезисе: «Земля – наш общий дом». Солнечная система становится Островом, пригодным для использования, извлечения ресурсов и захоронения отходов. Галактика становится Океаном, на периферии которой «болтается» наша Солнечная система.

Как видно, феномен Дома, как точки координат оседлого существования онтологически имеет в своей сущности потенцию к сдвигу, смещению, отклонению от заданной линейности, что характерно для номадизма, предполагающего многовариантность развития события, нередуцируемую множественность причин и причинных серий.

Современная динамически развивающаяся цивилизация трансформирует Океан – в Остров, а Остров в

Дом. Однако, надо помнить, что освоение имеет и свою противоположность – отчуждение. И устремление человека к освоению Океана, в конечном счете, приведет к тому, что Дом станет отчуждаться и ввергнется в хаос.

Дом номадной культуры, культуры постмодерна десакрализован. Он уже не является опорой для борьбы с непредсказуемостью, многовариантностью развития событий. Жизнь Дома, предполагавшая в оседлой культуре определенный аскетизм, сегодня не ограничивает собственных вожеланий. Дом сегодня не помогает сформировать образ внешнего мира во мне, а выступает как точка сингулярности, через которую происходит рассеивание «Я» в мире. Учась отказываться от экспансивных претензий, человек может обрести помощь в преодолении утраты значимого, которая постоянно преследует человека постмодерна, ибо Дом превратился в достойное сожаления воспоминание. Экономическая, социальная, политическая культурная мобильность современного человека требует регулярной смены местожительства, что приводит к стандартизации жилья. В условиях детерриториализации человека происходит его превращение в номада, а Дом становится своеобразным «залом ожидания». Время (атрибут номадности), ворвалось в пространство Дома. Дом, сегодня, это место, куда приходят сигналы, знаки, сообщения, письма. Топологическая рефлексивность сменяется информационной и сам дом обретает черты номадического предмета: он мобилен и движется вместе с номадом, а его задача тщательная сортировка сообщений и выделение значимой. Это уже не просто точка в рифленном пространстве оседлости, а точка траектории движения в гладком пространстве, временная остановка в пути экзистенциального путешествия. Дом уже не рассматривается как акт расширения своего тела, а становится местом погружения в сон и удовлетворения акосмических потребностей.

Литература

1. Арндт, Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Х. Арндт; пер. с нем. и англ. В. В. Библихина; под ред. Д. М. Носова. – СПб.: Алтейя, 2000. – 437 с.
2. Делез, Ж. *Что такое философия?* / Ж. Делез. – М.: Академический проспект, 2010. – 383 с.
3. Климова, С. В. *Дом и мир: проблема приватного и публичного* / С. В. Климова. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/public.html>
4. Климова, С. В. *Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома* / С. В. Климова. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/function.html>
5. Ксенофонт. *Домострой // Воспоминания о Сократе*. – М.: Наука. Интерпериодика, 1993. – 379 с.
6. Курбанов, М. Г. *К истокам социально-экологической реальности: дом и дорога* / М. Г. Курбанов // Юг России: экология, развитие. – М.: Камертон, 2008. – № 4.
7. Менегетти, А. *Мир образов. Краткое пособие по интерпретации образов и сновидений* / А. Менегетти. – М.: ННБФ Онтопсихология, 2008. – 256 с.
8. Петрова, М. *Образ дома в фольклоре и мифе* / М. Петрова // *Эстетика сегодня: состояние, перспективы: материалы научной конференции*. 20 – 21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999.
9. Разова, Л. Л. *Проблематизация концептов Дома и Пути в европейской мысли XX века* / Л. Л. Разова. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/razova/wayhome.html>
10. Разова, Л. Л. *Дом. Экзистенциальное пространство человека* / Л. Л. Разова // *Vita Cogitans: альманах молодых философов*. – Вып. 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.
11. Секацкий, А. *Прикладная метафизика* / А. Секацкий. – СПб.: Амфора, 2005. – 414 с.

Информация об авторе:

Шляков Алексей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии ТюмГНГУ, 46-39-59, schafferhund@rambler.ru.

Aleksey V. Shlyakov – Candidate of Sociology, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Tyumen State Oil and Gas University.

Статья поступила в редколлегию 13.03.2014 г.